

В. Бузескул

ДРЕВНЕЙШИЕ В МИРЕ БИБЛИОТЕКИ И АРХИВЫ¹

Напрасно было бы думать, что библиотеки и архивы, – учреждения, которыми часто так гордится современное культурное человечество, – создание нового времени и, пожалуй, древности, но только сравнительно поздней ее поры, периода Александрийской образованности. На самом деле библиотеки и архивы существовали уже во время глубокой древности.

Из таких древнейших библиотек наиболее известна Ассурбанипалова, находившаяся в столице воинственных ассирийцев в Ниневии. Открытие ее связано с именами двух лиц – Лэйярда и Рассам. Одни – и таковых большинство – приписывают это открытие всецело Лэйярду, другие, напр. известный ассириолог Делич, вызвавший полемику о «Вавилоне и Библии» (Babel und Bibel), – Рассаму; американский же профессор Hilprecht, в «Explorations in Bible Lands during the 19th Century» (1903)², доказывает, что Ассурбанипалова библиотека помещалась в двух дворцах и открыта обоими названными лицами – Лэйярдом в юго-западном дворце, построенном Сеннахерибом и реставрированном Ассурбанипалом, а Рассамом – в северном дворце, собственно Ассурбанипаловом.

Лэйярд, которому мир обязан открытием библейского Калаха и Ниневии³, во время своей второй экспедиции (1849–1851) подробно исследовал дворец Сеннахериба (705–681 г. до Р.Х.), развалины которого им обнаружены были еще во время первой экспедиции (1845–1847), и в этом дворце, который был возобновлен Ассурбанипалом (668–626 г. до Р.Х.), в двух, смежных небольших комнатах нашел следы целой библиотеки. Когда комнаты эти были очищены от наполнявших их земли и мусора, то обнаружилось, что весь пол, на фут и более того, завален плитками из обожженной, самой тонкой глины. Плитки были разной величины: маленькие – около 1 дюйма, самые большие – длиной в 9½ дюймов, шириной – 6. Покрываются они с обеих сторон мельчайшею, но очень четкою

клинописью; некоторые целы, большая же часть разбита на мелкие куски – очевидно, при падении сверху. А сотрудник и продолжатель дела Лэйярда Рассам во время своих раскопок на месте Ниневии в 1852–4 гг. открыл дворец Ассурбанипала и в нем длинную, узкую залу, «львиную комнату», названную так потому, что она украшена была превосходными барельефами, изображающими львов и охоту на них. Она оказалась вместе с тем и библиотекой.

Лэйярд, равно как и Рассам, и не подозревал, что содержали в себе найденные им плитки, какую важную находку он сделал. Лет 20 находились в Британском Музее ящики с доставленными им плитками, перемешанными в беспорядке, неразобранными, и никто еще не знал, какое сокровище заключалось в них. Что эти плитки – своего рода книги, часть царской библиотеки Ассурбанипала, стало ясно лишь после того, как Джордж Смит, молодой человек, служивший первоначально гравером при Британском Музее, занявшись разборкой и сортировкой плиток, натолкнулся в 1872 г. на вавилонское сказание о потопе. Дж. Смит попался обломок таблички со словами: «К горе Низир причалил корабль; гора Низир задержала корабль и не давала ему качаться... Когда наступил 7-ой день, я выпустил голубя; голубь полетел и вернулся: не нашел он себе места сухого и потому вернулся...» Ясно, речь шла о потопе, о котором повествует Библия и рассказ о котором имеется у Бероса. Дж. Смит удалось найти другие еще экземпляры с сказанием о потопе и установить, что это сказание составляет часть эпического произведения, героем которого является Гильгамеш, царь древнего Эреха (открытого Лофтусом). Гильгамеш поражен смертью своего друга звероподобного богатыря Эабани (по другому чтению Энгида) и, терзаемый мыслью о неизбежности смерти, отправляется за советом к своему предку Ут-Напиштиму, обрешшему бессмертие и пребывающему далеко, на краю света, у «устья рек». Ут-Напиштим и рассказывает

ему о потопе, который боги послали в наказание роду человеческому и для его истребления, и о том, как он, Ут-Напиштим, по указанию бога Эа, построил корабль и таким образом спасся со своим семейством, близкими, работниками, скотом. Сказание во многом сходно с библейским. Доклад о нем, сделанный Дж. Смитом в Обществе Библейской Археологии в заседании под председательством Раулинсона, в присутствии Гладстона и многочисленного собрания, произвел сильнейшее впечатление. Командированный в Месопотамию, на место древней Ниневии, сначала редакцией одной английской газеты (*Daily Telegraph*), а потом Британским Музеем, для дальнейших находок в этом роде, Дж. Смит вывез оттуда значительное количество новых плиток из Ассурбанипаловой библиотеки чрезвычайно важного и разнообразного содержания.

Так открыта была библиотека, основанная главным образом ассирийским царем Ассурбанипалом⁴ в VII в. до Р.Х. сравнительно незадолго, всего за несколько десятков лет, до падения и гибели Ниневии. Тот, кого легенда представляла в образе Сарданапала, женоподобного, изнеженно роскошью восточного царя, в действительности был энергичный воитель и в то же время страстный книголюб. Он восхвалял своего отца Асархаддона за то, что тот позаботился об обучении его, когда он был наследником престола, не только езде и стрельбе из лука, но и письменному искусству и всякой «мудрости Небо»⁵. Эту страсть к литературным произведениям, к книгам, которую пробудили в нем воспитатели, Ассурбанипал сохранил и впоследствии. Заняв престол, он рассылал всюду лиц, которые должны были разыскивать в частных, общественных и храмовых книгохранилищах, списывать и доставлять для его библиотеки письменные произведения разного рода, причем он иногда указывал заглавия тех из них, которые его особенно интересовали. По словам одного английского духовного лица, каждая большая библиотека должна была бы иметь у себя статую этого царя, оказавшего такие услуги сохранению древней литературы.

На многих табличках Ассурбанипаловой библиотеки имеется штемпель: «Соб-

ственность Ассурбанипала, царя вселенной, царя Ассирии», иногда и пометка писца: «списано согласно оригиналу и проверено». Плитки представляют как бы листы книги. Текст, начинаясь на одной, продолжается на других, такой же величины и формата, если они составляют одно и то же произведение. Так образовались целые серии, иногда в несколько десятков, даже в сотню, плиток. Заглавием серии служат начальные слова первой плитки; напр.: «Когда боги Ану, Илу...» Внизу, перед царскою подписью или штемпелем, для указания продолжения текста и порядка, в котором должны следовать плитки, ставилась первая строка следующей плитки, порядковый номер плитки и заглавие; напр.: „1-я плитка «Когда боги Ану, Илу...»”; „2-я плитка «Когда боги Ану, Илу...»”. Всех табличек Ассурбанипаловой библиотеки насчитывается теперь более 20 000. Содержание их весьма разнообразно. Тут были работы математические – вычисления и таблицы, – астрономические – наблюдения над движением небесных светил, затмениями и т.под.; произведения по астрологии, магии и медицине; учебники и хрестоматии: словари и комментарии, таблицы клинообразных знаков с их объяснениями, сборники грамматических примеров; списки «Лимму» – сановников, ежегодно сменявшихся, по имени которых считались годы; краткая синхронистическая история Ассирии и Вавилонии приблизительно с XV по IX в. до Р. Х. – историческая справка о сношениях и договорах между этими странами и границах их; имелось нечто в роде географического словаря с перечислением стран, городов, гор и рек, с сведениями об административном управлении, о провинциях, с обозначением их естественных произведений и доходов; имелись также списки минералов, растений, животных, с попыткой их классификации и с приведением их названий, народных и ученых. Особенно обращают на себя внимание произведения литературные; напр.: эпос о герое Гильгамеше, недавно переведенный и на русский язык Гумилевым, – эпос, одним из эпизодов которого является знаменитое сказание о потопе; на табличках, содержащих это произведение, попадаются заметки, что это – копия более древне-

го оригинала; миф о борьбе бога Мардука с морским чудовищем Тиамат и о сотворении мира: после описания первоначально Хаоса и победы Мардука над чудовищем говорится о сотворении неба и светил на нем, земли, растений и животных и наконец «венца мудрого творения» – человека, – сказание, в некоторых чертах сходное с рассказом Библии; миф об Адапе, не воспользовавшемся возможностью стать бессмертным, некоторыми учеными сопоставляемый, не совсем основательно, с библейским сказанием об утрате бессмертия первыми людьми; о сошествии богини Истар в подземный мир, что напоминает греческий миф о Деметре и Персефоне; рассказ об Аккадском царе Саргоне, который говорит о себе, что мать родила его втайне, положила в тростниковую корзину, осмолила ее и пустила по реке; нашел его Акки – водонос, воспитал, сделал садовником, а впоследствии Саргон достиг царской власти, – рассказ, так сходный с тем, что говорит Библия о Моисее. В библиотеке много гимнов, молитв. Замечательно, напр., обращение к богу Сину⁶ как «владыке богов, единому, великому на небе и на земле», как «милосердому, милостивому отцу», «родителю богов и людей», «виновнику бытия всего». «Ты един», говорится в гимне; «твое слово вызывает к бытию правду и справедливость, а люди начинают говорить истину». С этим можно сопоставить гимн к Шамашу как богу солнца, света и правды, богу милостивому, к которому прибегает несчастный, слабый, бедный, угнетенный... Имеется не мало покаянных молитв, своего рода «покаянных псалмов», напоминающих псалмы Давида. Ассурнаирпал II обращается к Истар с мольбой устранить утеснение, которое он видит вокруг себя: «обрати мысль к моим вздыханиям... Призри на меня и пусть благоволение твое укрепит сердце раба твоего.... Помилуй меня, умиловись..., прогони мою болезнь и мой грех». В другом гимне какой-то царь взывает к Истар по поводу вражеского нашествия и разорения: «Я, твой раб, молюсь тебе, да успокоится сердце твое, да утихнет гнев твой. Услыши моление мое, воззри на меня милостиво, и обрати ко мне лицо твое». В одном гимне Истар встречаем выражение:

«ты взираешь на обремененного и сокрушенного». В обращении к Мардуку и другим богам молящий просит «разрешить грех его», и эта мольба повторяется многократно, а в одном из «покаянных псалмов» говорится: «грехов моих множество, велики мои прегрешения»⁷. Имеется между прочим замечательное обращение к божеству – вопль невинного страдальца, подобно Иову, изливающего свою скорбь и высказывающего мысль о неисповедимости путей божьих, о превратности всего земного. И наряду с этим – множество разного рода так называемых *Omina*, оракулов или предвещаний, целые сборники магических формул, заклинаний и заговоров, представляющих полную аналогию русским народным заговорам во внешних приемах магических действий и слов, в содержании заклинаний и в изложении⁸. Есть даже сочинение под заглавием: «Сожжение», касающееся колдунов и ведьм, но в Вавилонии ведьм сожигали только *in effigie*.

Библиотека служила в то же время и архивом – в ней был обширный отдел разнообразных документов, государственных и частных, – законы, распоряжения, письма и донесения касательно военных действий, восстаний, управления и хозяйства, платежа дани, постройки зданий, проведения каналов, или, напр., сообщения астрономов, посланных в разные местности для наблюдения над ожидаемым затмением луны; различные обращения, жалобы, просьбы, вплоть до просьбы к царю прислать врача, который прописал бы что-нибудь заболевшей придворной даме; тяжёлые дела, договоры и контракты, купчие на дома, земли, рабов, по всей форме, с подписями, с приложением печати или с оттисками ногтя, переименованием свидетелей; заемные письма и закладные с обозначением процентов.

Словом, в Ассурбанипаловой библиотеке представлена была ассиро-вавилонская наука в разных ее отраслях, преимущественно математика, астрономия, а также магия и литература, вообще всякого рода письменность. В библиотеке имелись каталоги таблиц и серий. Находилась она в ведении «главного библиотекаря» и, по видимому, предназначалась и для общего

пользования, – была не только царскою, но и «публичной библиотекой»...

Кроме этой библиотеки, в Ассирии и Вавилонии в те времена существовали и другие, в том числе частные; доказательством служит хотя бы то, что, как было упомянуто, Ассурбанипал поручал производить разыскания в библиотеках общественных, храмовых и частных. Наука и литература была тогда в большом почете, а каково было отношение к ученым, видно, напр., из того, что царь Саргон (в конце VIII в. до Р.Х.), говоря о своем вступлении в Вавилон, рядом с лицами, которые имеют вход во дворец, называет «ученых, изучивших книги»...

Гораздо более древняя и еще более обширная библиотека и архив находились в Ниппуре, главном религиозном, культурном и политическом центре древнейшей Вавилонии, где был знаменитый храм Энлиля или Бела, где жило влиятельное жречество и где цари Аккада и Сумира, земные представители бога Бела, получали из рук верховного жреца «царство четырех стран света», как дар «Божией милостью»⁹. Основание Ниппура вавилонская легенда о сотворении мира относила к началу человеческой истории. Он расположен был к югу-востоку от Вавилона, между Евфратом и Тигром, на «большом канале» Кабаре, ветхозаветной реке Ховар, на которой после разрушения Иерусалима «сидели и плакали» иудейские переселенцы, и среди них описывающий свои видения (I, 1, 3) пророк Иезекииль. Это – библейский город «Хал-не, в земле Сеннаар», в царстве Нимрода, о котором упоминает Библия (Бытия, X, 10), теперь деревня Нуффар, как признал еще Опперт. Его развалины были скрыты под курганами, самыми большими в Месопотамии, наряду с вавилонскими и с теми, что в Варке, вышиною от 10 до 30 метров, пространством около 70 десятин.

Открытия в Ниппуре – дело американцев, экспедиции Пеннсильванского университета в Филадельфии. Правда, еще Лэйярд в 1851 г. производил здесь разыскания, но недолго и неудачно, и выводы его были пессимистичны: он выразил сомнение, чтобы раскопки в широких размерах в Нуффаре могли привести к каким бы то ни было интересным результатам. А лет

через 50 после того Гильпрехт, главный руководитель раскопок в Ниппуре, мог телеграфировать о той же местности: «Более 60000 клинообразных табличек вырыто, храмовая библиотека открыта, большие... ворота обнаружены под уровнем пустыни». Американцы сознавали важность изучения семитических языков, в особенности еврейского. Они интересовались всем, что имело отношение к Библии. Существовало Американское Восточное Общество и Общество Библейской литературы и экзегезы. Общее движение европейской науки также не могло не сказаться. Открытия Лэйярда и, наконец, де-Сарзека произвели впечатление и на американскую публику. В 1884 г. в собрании Восточного Общества настойчиво проводилась мысль: «Англия и Франция совершили благородное дело в Ассирии и Вавилонии. Пора и Америке принять участие. Пошлем американскую экспедицию»¹⁰. В 1884–5 г. состоялась предварительная экспедиция Ward'a в Месопотамию на средства мисс Вольф (из Нью-Йорка). Зимой 1886–7 г. профессором Гильпрехтом в Филадельфии читались публичные лекции с целью возбудить в обществе интерес к изучению вавилонских древностей, и эти лекции, как и энергичные хлопоты профессора еврейского языка в Пеннсильванском университете, Петерса, нашли живой отклик если не со стороны правительства Соединенных Штатов, то в среде частных лиц. Несколько граждан г. Филадельфии образовали фонд для большой экспедиции Пеннсильванского университета в Вавилонию. Дело организовано было широко, по-американски: с 1888 г., в течение 14–15 лет, снаряжена не одна, а несколько экспедиций, пожертвована большая сумма на учреждение кафедры ассириологии при Пеннсильванском университете, а одним филадельфийским гражданином ассигнованы средства на публикацию результатов экспедиций¹¹.

Директором первой экспедиции (1888–9 г.) был Петере: в ней участвовал Гильпрехт в качестве ассириолога. Главная задача ее состояла в общем ознакомлении с развалинами. Собран был значительный материал, преимущественно в виде многочисленных глиняных табличек, и уже тогда, на первых же порах, Гильпрехт пришел

к важным выводам, при последующих раскопках, главным образом 1900 г. подтвердившимся, относительно местонахождения Экура, или храма Бела, и при нем библиотеки с жреческой школой. Но экспедиции грозили большие затруднения и опасности. Не говоря уже об обычных для тех мест неблагоприятных природных условиях – нездоровом климате, вихрях песку, болотах с их миазмами и бесчисленными насекомыми, – кругом грабили и нападали разбойники – курды, арабские племена враждовали между собою, и близ места раскопок происходили настоящие сражения, причем на поле битвы оставалось иногда несколько десятков убитых; членам экспедиции приходилось работать и спать с оружием в руках. В довершение всего был застрелен араб, пытавшийся украсть лошадь, и это вызвало кровавую месть со стороны его племени. Лагерь экспедиции подвергся осаде и нападению, был зажжен и разграблен, а члены экспедиции, лишившись значительной суммы денег и большей части лошадей, едва спаслись, унеся с собой и добытые древности. Тем не менее в том же 1889 г. снаряжена была вторая экспедиция (1889–1890), главой которой был тоже Петерс; Гильпрехт в ней не участвовал, и разыскания производились не методически, недостаточно научно. В третьей экспедиции (1893–6) с зимы 1894–5 г. деятельное участие принял Гильпрехт, поставивший дело раскопок на строго-научную почву и руководивший четвертой экспедицией (1898–1900), которая оказалась самой плодотворной.

Главным результатом всех этих разысканий было открытие Экура – храма Энлиля или Бела, с относящимися к нему сооружениями, этого древнейшего центрального святилища Вавилонии, существовавшего уже за 4000 лет до Р.Х., и при нем богатой библиотеки, которую Гильпрехту удалось найти в 1900 г. Отрыто около 80 комнат библиотеки, а весь комплекс библиотечных помещений покрывал площадь приблизительно в 2½ десятины. Библиотек при храме, собственно говоря, было две¹²: более древняя, опустошенная вторгнувшимися эламитами¹³ еще около 2500 г. до Р.Х., и более новая, пришедшая в упадок постепенно в нововави-

лонскую эпоху. Эта новейшая библиотека заключала в себе произведения более чем трех тысячелетий; в ней уже нововавилонские жрецы производили разыскания, но она все же меньше и не так важна, как древнейшая, из которой найдено 23000 текстов. Последняя показывает нам, какого уровня достигали духовные потребности, как велики были достижения Вавилонии еще до середины III тысячелетия до Р.Х. Распадалась она на два особых отдела: один служил практическим, деловым целям, другой – научно-религиозный.

В первом отделе деловые документы касаются, как и в других подобных архивах в Сиппаре и Ширпурле, о которых скажем дальше, обширного управления храмом, его доходов и расходов, десятин, разных жертвоприношений и даров, построек и ремонта домов, насаждения деревьев, орошения, полей, покупки и продажи животных, найма рабов, тканья одежды для богов, ежедневных занятий для жрецов, стоимости их содержания и проч. Храм Бела в некоторых отношениях походил на крупную банкирскую или торговую фирму, в роде «дома Эгиби» в Вавилоне во время Навуходоносора или «Мурашу и сыновья» в том же Ниппуре во дни Эздры и Неэмии.

Религиозно-научный отдел с помещением для школы представляет особый интерес. Он богаче Ассурбанипаловой библиотеки. В нем тысячи клинообразных табличек; одни, немногие, лежали на низких глиняных полках: другие, очевидно, попадали с погнивших или нарочно поломанных деревянных полок и большею частью валялись в беспорядке на полу комнат и примыкающих корридоров в том виде, как они были разбросаны и разбиты при вторжении эламитов и произведенном ими варварском опустошении. Были также плитки, пострадавшие от прилипшей к ним сырой земли.

Интересны школьные помещения с сохранившимся в них материалом, по которому можно проследить, как велось обучение в жреческой школе, с какою тщательностью и методичностью ученики сперва учились готовить глиняные таблички, затем упражнялись в клинописи. До нас дошли их упражнения в письме, со

сделанными ими ошибками, равно как и упражнения в грамматике. Учились рисованию, даже с натуры, изготовлению моделей, скульптуре. Есть карикатуры и изображения юмористические; один рельеф, напр., представляет пастуха, играющего на лютне, а пред ним собака с раскрытой пастью, – очевидно, сопровождает его музыку воем. Обучались измерять поля, сады, каналы, стены. Особенное внимание обращалось на математику и астрономию. Имеются упражнения в счислении, таблицы умножения, при обращении с большими цифрами пользовались справочником: много астрономических таблиц. Были и силлабарии, и списки знаков, синонимов, географических названий, растений, хронологических дат и проч. Масса религиозных, мифологических и астрологических текстов. В слое, относящемся приблизительно к 2100 г. до Р.Х., найден небольшой, древнейший из известных нам фрагментов сказания о потопе.

Распределена была библиотека, по видимому, по научным предметам. Собрание писем имеется как в библиотеке, так и в торговых помещениях, расположенных к западу от Ховара. Сохранилось между прочим письмо в глиняном конверте, запечатанном печатью, с обозначением имени и звания отправителя, адресованное некоему Луштамару.

Что касается собственно архивов, то они находились и в таких древних городах Вавилонии, как Сиппара и Ширпурла.

Сиппара с ее знаменитым храмом бога солнца Шамаша, называвшимся Эбаббара («Дом Лучезарного»), открыта была Рассамом под нынешним холмом Абу-Хабба, в северной части Вавилонии. Это был двойной город: на одном берегу Евфрата расположена собственно Сиппара, на другом – Сиппара-Агаде или Аккад. На Абу-Хабба, как место нахождения Сиппары, указывал еще Джордж Смит, но его указание прошло незамеченным, и Рассам даже не знал о нем. Рассказы соседних жителей побудили Рассам обратить внимание на холмы в той местности. Начатые в январе 1881 г. раскопки в Абу-Хаббе привели к открытию помещений, очевидно, принадлежавших к храму Шамаша в Сиппаре: под асфальтовым полом одной из комнат

оказался терракотовый ящик с крышкой, а в нем – мраморная плита с барельефом и пояснительной надписью: «Изображение Шамаша, великого бога, обитающего в Эбаббаре, находящемся в Сиппаре». Из большой надписи внизу видно, что это модель золотого изображения на случай пропажи последнего. Сиппара – очень древний город. В ней найдены два цилиндра с надписью последнего вавилонского царя Набонила. Этот, по выражению Гильпрехта, «археолог на царском троне», интересовавшийся больше далеким прошлым, чем печальным настоящим (при нем Вавилонское царство пало), сообщает, что при восстановлении им храма Шамаша на древнем фундаменте найден камень, положенный при его закладке Нарамсином, сыном Саргона Аккадского (легенда о котором сообщена выше по поводу Ассурбанипаловой библиотеки), – камень, «которого ни один из предшествующих царей не видел в течение 3200 лет», а так как Набонид царствовал в половине VI в. до Р.Х., то на этом основании время Нарамсина определяют 3750 г. Впрочем, теперь правильность этой даты некоторые оспаривают и относят Нарамсина к более позднему времени, приблизительно к XXVIII стол.¹⁴ Во всяком случае Сиппара существовала уже за 3000 и более лет до Р.Х.

По счету Рассам в Сиппарском храме Шамаша число зал, галлерей и разных помещений доходило до 300; из них им открыто 130. Группировались они вокруг открытых дворов и разделялись на две части: одна составляла собственно храм, другая – помещения для жрецов и служителей. При храме – целый архив исписанных табличек. Рассаму удалось собрать их до 60000 штук. Они – из необожженной глины и потому очень хрупки. Рассам для лучшей сохранности обжег их, и все-таки несколько тысяч их рассыпалось на кусочки. Это – деловые документы, касающиеся культа, управления храмом и его имуществом, хозяйства, доходов и сборов, постройки и ремонта домов, производства тканей, разных драгоценностей и утвари. Они вводят нас в тогдашнюю деловую повседневную жизнь жреческого и служительского персонала при храме, который был не только святилищем, но и произ-

водил операции, подобно какой-нибудь торговой фирме. Сборы тогда делались обыкновенно натурой. Для хранения их необходимо было соответствующее помещение, склады, где писцы регистрировали все поступления. В числе продуктов было много таких, которые подвергались скорой порче: их надо было своевременно продать или обменять. Найдены и литературные произведения, входившие в состав храмовой библиотеки, – астрономические и математические тексты, грамматические упражнения, письма, гимны, отрывки мифологического содержания (между прочим версия сказания о сотворении мира, на двух языках).

Ниппур, о котором мы говорили выше, являлся главным историческим и религиозным центром шумерийцев, – народа, предшествовавшего семитам-вавилонянам. Шумерийцев, их культуру, легшую в основу собственно вавилонской, открыл де-Сарзек, французский вице-консул в Басре, а затем консул в Багдаде. Вавилоняне усвоили культуру шумерийскую, многое заимствовали из нее, в особенности в области верований. Самое письмо, на котором написаны вавилонские памятники, – клинообразное – письмо шумерийское. На месте нынешнего Телло, группы холмов между Евфратом и Тигром, в южной Вавилонии, де-Сарзек обнаружил одно из древнейших средоточий культурной и политической жизни шумерийцев – город Ширпурлу или Лагаш, имевший за 2800 лет до Р.Х., по дошедшим до нас данным, 36 000 жителей, а за 25 веков – до 216 000. Телло называют „Помпеями ранних вавилонских древностей”: дворцы Саргона и Сеннахериба, открытые Боттой и Лэйярдом в Ассирии, кажутся новыми по сравнению с памятниками Ширпурлы. Де-Сарзек начал свои разыскания в Телло в 1877 г. и продолжал их до 1900 г., до самой своей смерти, с небольшими промежутками в течение 11 кампаний. В Ширпурле властвовали „патеси”, князья первосвященники в роде того Мельхиседека, „царя Салима и священника Бога Вышнего”, о котором повествует Библия. Де-Сарзек нашел несколько замечательных статуй из твердого черного камня, изображающих этих патеси, преимущественно знамени-

того Гудеа (за 2500 или даже за 2700 лет до Р.Х.), не менее замечательную „Стелу коршунов”, превосходную серебряную вазу Энтемена с изображением герба города Ширпурлы – орла с львиной головой, парящего с распростертыми крыльями и держащего в своих лапах двух львов, и проч. Де-Сарзек открыл дворец времени Селевкидов (III в. до Р.Х.), но из надписей на кирпичках, посвящений и т. под. обнаружилось, что под этим дворцом – развалины древних зданий, между прочим храма „Энинну”, одного из главных святилищ Вавилонии, посвященного Нингирсу, богу-покровителю Лагаша. Найденные памятники говорят о высоком состоянии искусства в те далекие времена, о развитой культуре времени Гудеа и даже более ранней эпохи. Древнейший культурный слой в Ширпурле достигает глубокой древности; некоторые склонны относить его к концу V тысячелетия до Р.Х.¹⁵, другие – к последним векам IV¹⁶.

В 1894 г. разыскания де-Сарзека касались, главным образом, хозяйственных построек в Ширпурле, занимавших большое пространство, – своеобразной большой кладовой или амбара, „дома плодов” царя Урнины (по одним за 3000 лет до Р.Х., по другим – гораздо древнее), и почти тогда же, в 1894 и 1895 г., на расстоянии менее 100 саж. от того холма, где открыты эти хозяйственные постройки Урнины, рабочие де-Сарзека набрали на огромный архив деловых бумаг в виде необожженных плиток, лежавших в 5–6 рядов одна на другой. Многие тысячи их были тотчас же расхищены. Часть их – попала и в Россию, была приобретена Н.П. Лихачевым и исследована М.В. Никольским („Документы хозяйственной отчетности древнейшей эпохи Халдеи из собрания Н.П. Лихачева”, М., 1908, из 2-го выпуска III т. „Древностей Восточных” Моск. Археол. Общества, II ч. труда М.В. Никольского, 1915). Архив Ширпурлы дает чрезвычайно ценный материал для историка. Содержание его – в том же роде, что и архива в Сиппаре. Оно касается, главным образом, управления храмовым и царским имуществом, земледелия, скотоводства, торговли, промышленности. Тут и реестры служащих и рабочих, нередко с обозначением количе-

ства получаемого ими содержания, соотношению их занятиям, полу и возрасту, в виде зернового хлеба или вообще каких-либо вещей, и списки приношений и жертв в храм – божествам и священным предметам (рекам, каналам, населенным местам, даже музыкальным инструментам), и другие инвентари, описи земель, реестры полей с обозначением их размеров и лиц, в пользовании которых они находились, иногда с обозначением количества засеваемого, получаемого и выдаваемого зерна; имеются приходо-расходные записи, списки стад и животных (обращает на себя внимание отсутствие тут лошади; лошадь введена позже, лишь касситами), счета, контракты, письма, планы домов, укрепление берегов рек, каналов: печати из глины, с надписями, привешивавшиеся, как ярлыки, к товарам и адресовавшиеся разным лицам и городам. Есть письмо Саргона Аккадского к патеси Ширпурлы, его вассалу, касающееся торговых сношений. На одной табличке впервые встречаем название Вавилона. Из документов видно, что торговые сношения Ширпурлы простирались тогда до Аравии, Синая, Средиземного моря; но многочисленные списки животных, стад и сельских продуктов говорят о том, что главное место в хозяйственной жизни края занимало земледелие и скотоводство, затем – рыболовство. Мы узнаем, напр., что один из патеси, Лугальанда, владел ок. 147 десят., жена его – ок. 60 дес. Земля считалась достоянием Бога, распределялась для обработки между разными лицами небольшими участками, что указывает на интенсивную обработку ее. Садоводство и огородничество было развито, разводили лук, огурцы; огороды занимали почти 6000 кв. миль. Что земледелие и скотоводство составляло главнейшее занятие жителей, видно, между прочим, и из названий месяцев: „месяц, когда заняты жатвой“; „месяц, когда едят хлеб“; „месяц, когда работают быки“; „месяц шерсти“¹⁷. Некоторые таблички носят на себе следы давней, явно намеренной порчи; это – документы аннулированные.

Часть документов архива Ширпурлы относится ко времени Урнины (т.е. по одним – ок. 3000 г., по другим – ок. 4000), часть – к более позднему: большинство касается последней династии города Ура

(бывшего родиной Авраама), т.е. по наиболее умеренному счету – 2550 г. Но древнейшие надписи, самого раннего периода в истории Ширпурлы, некоторые ученые приурочивают чуть ли не к началу V тысячелетия и думают, что около 4000 г. до Р.Х. письмо было уже в употреблении у сумерийцев.

Вообще, как надписи, так и другие памятники Ширпурлы говорят нам о таком уровне культуры, какой трудно и представить себе в ту отдаленную эпоху. Из архивных документов мы узнаем, между прочим, о влиятельном положении женщины у сумерийцев: ей принадлежит преобладающая роль в управлении царским хозяйством; она владеет земельными участками, может приобретать и отчуждать собственность, является свидетельницей в контрактах и т. д.¹⁸

За 2800 лет до Р.Х. (по меньшей мере) царь Ширпурлы Урукагина говорит о том, как он „установил свободу“ – о законодательстве, смягчении нравов, облегчении тягостей населения. Но под конец его царствования Ширпурлу постигла страшная катастрофа, о чем говорит табличка, найденная уже после де-Сарзек, в 1904 г., в уединенном месте, вдали от архива, и автор, сообщая о несчастье, недоумевает, за что благочестивый Урукагина так наказан. Уже тогда, почти за 3000 лет до Р.Х., в среде сумерийцев задавались вопросы: почему безвинный праведник страдает?¹⁹

В 1900 г. де-Сарзек нашел еще не менее 4000 табличек содержания, подобного тому, о каком говорилось выше, новые части статуй из черного камня и другие памятники времени Урнины и его преемников²⁰. Это была его последняя кампания в Телло. В 1901 г., по возвращении во Францию, он, открывший нам культурный мир сумерийцев, умер. Спустя несколько недель за ним последовала и его верная спутница – жена, разделявшая с ним трудности и лишения.

Существовали в Вавилонии и частные архивы. Еще в середине 70-х годов прошлого века местные жители-арабы в одном холме на месте древнего Вавилона нашли несколько глиняных сосудов, наполненных исписанными плитками. Они продали эти плитки купцу, а тот перепродал их Джор-

джу Смиуту. Плитки, которых было до 3000, оказались документами из архива крупного банкирского дома Эгиби в Вавилоне.

Возникла эта фирма еще в начале VII в. до Р. Х. (685 г.). Основатель ее, судя по имени (Эгиби – Iahakob, Яков), как полагает Делич, был еврей. Существовала она много поколений, по крайней мере до Александра Македонского, переживая катастрофы и разрушения, испытываемые Вавилоном, и выходя из них благополучно, богатея и приобретая огромное влияние, благодаря, главным образом, откупу: банкирский дом Эгиби брал на откуп сбор податей и оказывался необходимым для правительства, каково бы оно ни было. Расцвет его относится ко времени Навуходоносора. В помещениях этого банка толпились многочисленные клиенты разного звания, начиная с крестьян и кончая высшими сановниками и даже членами царствующего дома: один из сохранившихся документов вкладчиком в банк Эгиби называет сына Кира, Камбиза, в то время царевича, ведшего дела через поверенного.

Банкирский дом Эгиби, как видно из дел его архива, совершал самые разнообразные операции, и крупные, и мелкие, давая в ссуду и несколько талантов, и несколько секелей, делая переводы и выдавая чеки на пред'явителя, служа вместе с тем и своего рода нотариальной конторой, свидетельствуя документы, совершая акты и т. д. А в Ниппуре американскою экспедициею, о которой речь была выше, найдены тщательно написанные деловые документы из архива фирмы „Мурашу и сыновья», процветавшей при персидских царях Артаксерксе I и Дарии II, во второй половине V в. до Р. Х. Содержание этого архива тоже чрезвычайно разнообразно. То три золотых дел мастера гарантируют владельцу фирмы Мурашу на 20 лет, что изумруд не выпадет из золотого кольца; в противном случае они обязываются уплатить 10 мин. серебра; то некто поручается за брошенного в тюрьму должника фирмы и добивается его освобождения, беря на себя обязательство в случае исчезновения должника уплатить столько-то мин серебра²¹ и т. п. В архивных документах встречаются имена иудейских изгнанников, напр., Вениамин.

Архивные документы освещают ярким светом жизнь древней Ассири-Вавилонии

от первых династий до времен Селевкидов и Арсакидов. Не говорим уже о знаменитом кодексе Хаммураби, приблизительно за 2000 лет до Р. Х., начертанном на камне и найденном в Сузах в 1901–2 г., – древнейшем памятнике этого рода в истории человечества, памятнике мирового значения. Но в частных, а также в государственных архивах и библиотеках Ассири-Вавилонии хранилось множество документов юридических, частно-правовых. Это по большей части разного рода контракты и документы, касающиеся купли-продажи, купчие на рабов, на дома и земли, с точным обозначением границ, размеров и положения участка, имени продавца и покупателя: нередко акты относительно продажи движимости; договоры, касающиеся мены, найма квартир, участков, работников, заказов и поставок, займов и залогов, денежных вкладов или отдачи вещей на хранение, торговых компаний; контракты брачные, акты о признании детей, об усыновлении, дарственные грамоты, дела тяжёбые и проч. Ход процесса, договор, всякий акт для придания ему законной силы, все это записывалось, протоколировалось в присутствии свидетелей, за подписью их и обеих сторон, с приложением печати или, по крайней мере, с оттиском ногтя. Если таблица утеривалась, то, в расследовании, об'являлась недействительною, в случае, если будет найдена; на случай поломки, чтобы иметь дубликат, табличку заключали в глиняную оболочку, а снаружи писали копию. До нас дошли и расчетные листы рабочих, приходо-расходные счета, многочисленные так назыв. кудурру – пограничные межевые камни с надписями, обозначающими размеры владения, право на него хозяина; часто – это дарственные грамоты о пожаловании земли или льготные, освобождающие целые города и области от податей, повинностей, гарантирующие их права и вольности. От VII в. до Р. Х. имеются отрывки интересной описи – своего рода писцовой книги одной из областей Ассирийского царства – Харрана, с перечислением членов семейств, с указанием количества земли и площади посева, скота, виноградников, садов, огородов, домов, цистерн...²²

В вавилонских документах пред нами проходят самые разнообразные лица: су-

ды, торговые и банкирские фирмы, крупные купеческие фамилии и мелкие торговцы, поставщики, промышленники, маклера, домовладельцы и землевладельцы, ремесленники и крестьяне, рабы, словом, лица разного состояния, вплоть до членов царствующего дома, принцесс, жриц и т. под.

Переход от натурального хозяйства к денежному уже совершился, хотя и не вполне. Чеканной валюты еще не было, а вместо нее употреблялись золотые, серебряные или медные куски, слитки, кольца и проч. определенного веса. Существовали кредитные операции, покупка и продажа в кредит, векселя, уплата посредством переводов, своего рода чеки. Образцы вавилонского векселя и чека дошли до нас. Банкиры и купцы в Вавилонии играли большую роль, как мы видели это на примере фирм Эгиби и Мурашу: вавилонские купцы, по выражению Апокалипсиса, „были вельможи земли”. Богатые, торговые и священные города – Ниппур, Сиппара, Вавилон – пользовались льготами, разными вольностями, имели грамоты, обеспечивавшие их. Такие грамоты или указания на них дошли до нас.

Вавилоняне, напр., в сохранившейся жалобе царю ссылаются на то, что прежние цари заботились об охране их прав и о их благосостоянии; „даже собака, бегущая по Вавилону, не может быть убита”. Вавилоняне приводят название хартии, получившей это название по начальным ее словам, подобно акту *Nabeas corpus*. В одном документе из Ассурбанипаловой библиотеки царю грозят наказанием со стороны богов и всяческими бедами, если он не будет заботиться о справедливости, будет притеснять жителей Сиппары, отдавать предпочтение чужим, отнимать у вавилонян деньги, не обращать внимания на их жалобы, обвинит кого-либо из граждан Ниппура, Сиппары и Вавилона, заключит их в тюрьму, наложит принудительные работы, солдатчину и т. д.

„На Ассур, город, имеющий вольности, древний, священный город... жители которого искони не ведали принудительных работ и повинностей, Салманасар наложил таковые и обращался с жителями, как с крестьянами, и владыка богов в гне-

ве сердца своего низложил его”, говорит сохранившийся текст. Саргон, „призванный в цари”, восстановил вольности жителей Асура – „освободил их от солдатчины, от команды десятника, сделал свободными от налогов и повинностей...” Есть имунитетные грамоты, напр., Навуходоносора I (второй половины XII в. до Р.Х.). Города одной из областей, лежавшей в Намаре, при прежних царях пользовались свободой, заключающейся в том, что царские наместники и слуги не входили в эти города, налог быками и овцами в пользу царя не собирался, царский муж не мог никого в них арестовать и т. д. Навуходоносор, по жалобе владетеля области, проверил по архивным документам, убедился, что это так, и предоставил свободу городам на вечные времена²³.

Архивы и библиотеки имелись, конечно, и в древнем Египте, этой стране письменного делопроизводства, бюрократии, писцов, – стране, где дорожили книгами, а профессию писца считали особенно заманчивой. В одном поучении отца сыну, отданному „в дом учения писанию”, читаем: „Обрати сердце твое к книгам... Право, нет ничего выше книг. Как в воде плавай в книгах – ты найдешь в них наставление: „если писец находится при дворе, он не будет в нем нищим, но насытится”. „Я не знаю другой должности, которая могла бы дать повод к подобному изречению, поэтому внушаю тебе любить книги, как родную мать, и излагаю пред тобою все преимущества знающих их”. Нет ничего лучше профессии писца, и затем следует отрицательная характеристика остальных профессий с их темными сторонами. Иное дело профессия писца: „Нет писца, лишённого пропитания от достояния царского дома. Богиня рождения дает обилие писцу, его ставит во главе суда. Благодарят Бога его отец и мать – он направлен на путь жизни”. До нас дошло не мало отдельных любопытных документов. В виде примера укажу на дошедшие до нас протоколы суда по делу о придворном заговоре при Рамсесе III, причем последний дает инструкцию судьям: „Будьте осторожны и имейте попечение, дабы не осудить несправедливо”; дневник, сообщающий о бунте и забастовке рабочих фиванского некрополя из-

за неполучения жалования и пайка при том же Рамсесе III; подробности скандального процесса по делу об ограблении царских гробниц и мумий при последних Рамессидях, процесса, в котором замешаны были должностные лица и жрецы; „Большой Папирус Гарриса”, „единственный в своем роде памятник”, раскрывающий пред нами картину непомерного богатства египетских храмов благодаря щедротам фараонов, дающий возможность определить все количество собственности, принадлежавшей храмам и ими управлявшейся²⁴; надпись в гробнице Меса (времен XIX династии, приблизительно за 1300 лет до Р.Х.) в Саккара, воспроизводящая процесс, тянувшийся многие годы из-за участка земли, с приведением документов, со справками, наводившимися в архивах казначейств и царской житницы в доказательство платежа податей, с опросом свидетелей, и друг. Найдены и архивы со многими интереснейшими документами.

Так, зимою 1887–8 г. феллахи в поисках за мергелем или, может быть, и за древностями, продажей которых они промышляли, натолкнулись в нынешней Телль-эль-Амарне, в низкой кирпичной комнате, на деревянные ящики, наполненные глиняными табличками, исписанными с обеих сторон клинообразными знаками. Таблички эти оказались частью государственного архива. Телль-эль-Амарна или Телль-Амарна находится на том месте, где построил свою новую столицу Аменхотеп IV (в первой половине XIV в.) одна из своеобразнейших личностей на египетском престоле, «первый индивидуалист в истории», как его иногда называют, «проклятый» еретик в устах представителей наступившей после него реакции, вступивший в фанатическую борьбу с культом Амона и с египетский многобожием и заменивший его культом единого божества – солнечного диска, Атона. Из Фив, где укоренился культ Амона, он перенес свою резиденцию на новое место, в построенный им город²⁵, на полпути между Мемфисом и Фивами, с широкими улицами, садами, дворцом и храмом Атона. Там был и государственный архив. Дошедшие до нас таблички из него, числом более 350, содержат чрезвычайно важный к интересный материал – переписку владе-

телей и наместников Сирии, Палестины и соседних с ними стран с египетским двором приблизительно за 1400 лет до Р.Х. Почти все письма на языке вавилонском, – красноречивое свидетельство о культурном влиянии древнего Вавилона: язык последнего был в те времена международным, подобно тому, как в новое время французский. Письма раскрывают перед нами тесные, оживленные сношения тогдашнего восточного мира, рисуют положение дел в Передней Азии, в частности в Палестине, еще до вторжения в нее евреев, тогдашние международные обычаи, этикет и т. д. Напомним некоторые подробности из этой характерной корреспонденции²⁶.

В начале письма обыкновенно в напыщенных, часто унижительных, раболепных формах вассалы и наместники шлют привет египетскому фараону: „моему господину, моему богу, моему солнцу”; нередко добавляется: „дыханию жизни”; о себе же говорят: „я раб твой, прах ног твоих, под сандалиями моего господина земля, на которой ты ступаешь, подножие ног твоих, 7 и 7 раз падаю пред тобою ниц на землю”, причем иногда добавляется: „на грудь и на спину”. Один говорит о себе: „твоя скамья, седалище твоего сидения”; другой называет себя „конюхом коня твоего”, а случается, что и „собакой”. Привет шлют не только царю, но и его стране, его дому, женам, сыновьям, его вельможам, даже его коням и колесницам. И фараон отвечает тем-же. В подобострастных выражениях обращаются и к вельможам при египетском дворе или к наместникам; их тоже именуют „господином”, „отцом”, а себя – „рабом”, „сыном”; и пред ними „падают ниц”. Нарушение этикета вызывает открытое неудовольствие. Египетский фараон, вопреки обычаю, поставил в письме себя, свое имя, раньше имени царя хеттов, и тот обиделся: „почему ты поставил свое имя прежде моего?” и пускается в пространные объяснения по этому поводу. Вавилонский царь был нездоров, но египетский фараон ничем не выразил своего сочувствия: „разве мой брат не слышал о том, что я болен? почему не прислал посла узнать о моем здоровье?” спрашивает недовольный вавилонский царь и успокаивается лишь после того, как послы убедили его, что от

его страны до Египта далекий путь. Послу иногда дается паспорт или пропуск, охранная грамота в роде, напр., такой: „Пред’явитель сего – мой посол, который отправляется к царю египетскому, моему брату. Никто не должен его задерживать. Проводите его в мире в Египет и немедленно... Позаботьтесь, чтобы ему не было причинено какого-либо вреда”.

Египетские цари вступают в брак с дочерьми владетелей Передней Азии. По этому поводу ведутся переговоры. Вавилонский царь, напр., не знает, жива ли его сестра, которую раньше уже выдал его отец за Аменхотепа III. Вавилонские послы ее не видели и не узнали в той особе, которую им показали. „Кто знает, может быть, это дочь какого-нибудь нищего или варвара или еще кого-либо подобно-го?” Послы должны были бы привезти от нее подарки, будь она жива. Кроме того, вавилонский царь жалуется, что его послы были слишком долго задержаны в Египте и не приглашены на один из праздников. Фараон отвечает, что послы лгут и клеветуют: послам всегда даются подарки... Наконец, вавилонский царь пишет: „Моя дочь, девица, с которой ты желаешь вступить в брак, выросла; присылай за нею”. Но он в свою очередь желает иметь женой египетскую царевну и в ответ на ссылку фараона, что этого не позволяет обычай египетского двора, пишет: „Почему так? ведь ты – царь и можешь поступать по своему желанию”. Можно прислать и не царевну, а какую-либо другую молодую, красивую девушку под видом царевны: ведь ее не узнают и кто скажет, что это не царевна? Аменхотеп III вступил в брак с царевной из Митанни, страны по верхнему Евфрату. До нас дошла опись ее богатого приданого и скарабей с надписью в память этого „дивного события”, из которой мы узнаем, что невесту сопровождала свита из 317 придворных дам.

В письмах Телль-Амарнских повторяются до бесконечности просьбы о присылке из Египта подарков – золота, ибо там „много золота”, „все равно, что пыли”. На этой почве также возникают неудовольствия и недоразумения, чуть не скандалы. Аменхотеп III прислал, напр., подарки Тушратте, царю Митанни; печати были

целы, но когда в присутствии всего двора и египетских послов посылка была вскрыта, то оказалось, что это не золото, а предметы, не имеющие ценности. Или: Тушратта жалуется, что Аменхотеп III обещал прислать ему золотые статуи, присланные же после смерти этого фараона Аменхотепом IV статуи оказались не золотыми, а деревянными, позолоченными, между тем послы Митанни своими глазами видели уже готовые золотые статуи. И вавилонский царь дает совет фараону не доверять чиновникам, а самому присмотреть, лично запечатать и так отослать золото, ибо вес раньше присланного золота оказался далеко не полным, несмотря на целостность печатей. Подобные случаи отмечаются нераз. Тот-же царь по поводу того, что для сопровождения вавилонской царевны в Египет прислано только 5 колесниц, с негодованием восклицает: «Пять колесниц! Что скажут соседние цари! дочь великого царя сопровождают всего 5 колесниц! Когда мой отец отправлял мою сестру к твоему отцу, ее сопровождало 3000 человек». Аменхотеп IV принял ассирийских послов, и вавилонский царь упрекает его за то, что он решился принять послов ассириян, его, вавилонского царя, подданных. В свою очередь и египетский фараон получает дары. Между прочим от владетеля Алашии (вероятно, о. Кипра) получалась медь и лес. В сохранившемся письме царь Алашии извиняется, что посылает мало меди, и объясняет это тем, что «рука Нергалья»²⁷ убила всех людей его земли и нет в ней никого, кто разрабатывал бы медь. С своей стороны он просит серебра в большом количестве», быков, «масла хорошего сорта», две чаши и «заклинателей орлов». А затем: уроженец Алашии умер в Египте, и его имущество осталось там, а его сын и жена находятся в Алашии; царь просит выдать вещи умершего посланному.

Видное место в Телль-Амарнской переписке, занимают вражда вассалов и наместников, их взаимные доносы и обвинения, козни и интриги. Но преобладающая тема в ней – просьбы о помощи, о присылке хотя бы небольшого отряда войска, – просьбы, доходящие до слезных молений, до воплей отчаяния. Большинство Телль-Амарнских писем (64 письма) исходит от

Риб-Адди, владетеля города Библа в Финикии, и они полны подобных просьб. Город Тунип «плачет, слезы его льются, и нет помощи ему»! Двадцать лет он молит о ней, и все напрасно. Подобные же мольбы идут и от владетеля Иерусалима, Абдхиба, которого, по его собственным словам, посадил в Иерусалиме не отец, не мать, а царь египетский. Он повторяет нераз: «погибает царская земля»; его не слушают. «Утрачены и все вассалы, нет их больше на стороне царя египетского. Царь не владеет больше страной». Хабири²⁸ опустошают всю царскую область, И он делает приписку, обращаясь к «секретарю царя»: «передай ясно слова царю, моему господину: погибнет вся область царя, моего господина». Но тщетно просящие вассалы и наместники обращают свои мольбы, «простирают свои руки» к фараону, к ногам его: Египет остается глух к их мольбам.

Таким образом пред нами раскрывается картина печального положения Сирии и Палестины той поры, при Аменхотепе IV. Вассалы и союзники уверяют в своей преданности, но часто действуют коварно, ведут двойную игру, тайком устраивают козни, заговоры и передаются врагам Египта. Под уверениями в преданности, под лживыми, раболепными выражениями скрывается измена и вероломство.

Особенно отличается этим Азиру, владетель «страны Амурри» (амореев), по выражению злосчастного Раб-Адди, «бродячая собака», действующий заодно с хеттами. Власть Египта над Палестиной и Сирией падала: с севера теснили хетты, с юга – хабири, внутри – смуты, интриги, раздоры, измена...

Иного рода архив обнаружен на острове Элефантине близ Ассуана и первого Нильского порога. В 1898–9 г. Рейценштейн и Шпигельберг во время своей экспедиции в Египет приобрели для Страсбургского университета очень важный папирус из Элефантины, – города, находившегося на острове того же имени. Папирус этот содержал – правда, в отрывочном виде – донос иудеев с о-ва Элефантины, относящийся к концу V в. до Р.Х., ко времени персидского владычества в Египте, о восстании египтян, между тем как они, евреи, остались верными персидскому правитель-

ству. Затем другими лицами приобретено было еще несколько папирусов из соседнего города Ассуана, содержащие частно-правовые документы, касающиеся брачных и имущественных отношений иудеев в Элефантине и Ассуане. В виду того интереса, который возбудили эти находки, в 1906–8 г.г. дирекцией Берлинских Музеев снаряжено было несколько экспедиций на Элефантину (Рубензона, Цуккера и архитектора Гонрота). Зимой 1906–7 г. среди развалин жилища, в одной из трех комнат, экспедицией найдена куча папирусов, а в углу другой – масса глиняных черепков с финикийскими и арамейскими надписями. По близости, в остатках двух других жилищ, оказалось еще больше папирусов на арамейском языке, который, как видно, уже в то время был распространен²⁹ (элефантинские евреи называются в документах то иудеями, то арамеями, безразлично).

Из этих архивных материалов узнаем, что в Элефантине, являвшейся пограничною крепостью, сторожевым египетским постом на юге, существовала военная иудейская колония («иудейское войско», как выражаются документы), основанная, вероятно, еще в VII в., при Псамметихе I; у нее было особое присутственное место – «двор иудеев» – и даже храм, на «Царской улице». Главным богом колонистов был Иегова (Ягу – Ягве); но кроме него они почитали еще несколько других второстепенных божеств.

Они сносились с иерусалимскою общиной: в числе папирусов дошло обращение «Иедонии и его товарищей, священников», к персидскому наместнику Иудеи, Багою, с жалобой на то, что храм их, построенный еще «их отцами во дни египетских царей» и пощаженный даже при Камбизе (когда египетские храмы были разрушены), ныне по проискам жрецов египетского бога Хнума, вошедших в сношение с местным начальником, разрушен (из мести за преданность иудеев персам и из-за принесения в жертву баранов, почитаемых в Элефантине, как символ и воплощение Хнума). Они просят разрешить отстроить вновь храм. Уже раньше они писали Багою и первосвященнику Иегоханану (известному из Библии; у Иосифа Флавия –

Иоанн), и его товарищам, священникам в Иерусалиме, и Остану, брату Анании, и старейшинам иудейским. Но ответа не получили. Теперь они в трауре, постятся, не умащаются, не пьют вина; жены их как вдовы. На этот раз разрешено было храм отстроить и приносить в нем жертвы, но только не кровавые. Имеется приказ тому же Иедонии и его товарищам, «иудейскому войску», относительно празднования опресноков (приказ передает Анания, персидский уполномоченный; некоторые предполагают, не брат ли Неэмии?). Вообще документы из Элефантины освещают и пополняют наши сведения из Библии и представляют как бы параллель к книгам Эздры и Неэмии, подкрепляя их достоверность.

Большинство документов – частного-правового характера: дарственные, отступные, брачные акты, документы касательно приданого, долговые обязательства и т.под., свидетельствующие о развитых гражданских отношениях, выработанных формулах, с точным обозначением границ владений, с приведением имен свидетелей. Кроме документов, среди папирусов оказался арамейский текст нравоучительной повести об Ахикаре (Акире Премудром), весьма распространенной на Востоке и известной раньше в переделках сирийской, армянской, арабской, эфиопской, греческой, славянской.

Что касается библиотек Египта, то достаточно вспомнить о знаменитой Александрийской библиотеке. Но она характеризует уже Египет не древнейший, а эпохи эллинистической, времени Птолемея, и я на ней останавливаться не буду. Существовали в Египте и библиотеки, принадлежавшие частным лицам. Известный английский исследователь Флиндерс Петри во время своих разысканий в Танисе (в восточной Дельте), бывшем одно время столи-

цей Египта, сделал интересную находку: в подвале одного частного дома он нашел архив или библиотеку с деловыми бумагами и многочисленными папирусами разнообразного содержания; тут имелись и географический словарь, и зодиак, писанный золотом по стеклу, и силлабарий иероглифов с объяснениями, и художественные принадлежности, и здесь же – статуя самого хозяина. Дом и библиотека принадлежали туземному адвокату времен римской империи. Мы знаем даже его имя – Бекиеху.

Существовали архивы и в других странах древнего Востока, напр. у персов (кожаные документы). В статье об открытиях в области культуры хеттов мы уже упоминали о том, что в столице хеттов, Богазкео, Винклером найдено множество документов, составлявших, очевидно, государственный архив. Были архивы даже у мелких владельцев. В папирусе В.С. Голенищева, находящемся теперь в Московском музее изящных искусств и содержащем отчет Уну-Амона о командировке его в Финикию за лесом для постройки новой барки богу Амону и об испытанных при этом зловключениях (приблизительно за 1100 лет до Р.Х.), рассказывается, что когда Уну-Амон изложил царю города Библа цель своего прибытия и просил отпустить лес даром, ссылаясь на пример его отца и деда, то царь приказал навести справку в архиве и принести документы.

В Европе, во время господства критско-микенской или эгейской культуры, за два и более тысячелетия до Р.Х., имелись уже архивы: на месте древнего города Кносса, на острове Крите, во «дворце Миноса» Эванс нашел большое количество исписанных плиток, очевидно архивных документов, к сожалению, еще не разобранных. Не говорю уже об архивах и библиотеках греко-римского мира...

¹ Настоящая статья, как и помещенная в № 2 „Науки на Украине“, представляет страницы из подготовляемой мною к печати книги об открытиях XIX и начала XX в. в области истории.

² Первый отдел этой книги – о раскопках в Ассирии и Вавилонии до начала 80-х годов – имеется в немецком переводе (*Die Ausgrabungen in Assyrien und Babylonien*). I Teil. Leipzig. 1904).

³ Подробности более или менее известны, и я на них не останавливаюсь.

⁴ Начало ей положили, вероятно, еще его предшественники.

⁵ Бог планеты Меркурий.

⁶ Б.А. Тураев. История древн. Востока. I² 144, 145; II² 82.

⁷ Zinimern. Babylonische Hymnen mid Gebete. Leipzig. 1905; то-же 2-te Auswahl, 1911 (в коллекции *Dor alte Orient*).

⁸ В.Ф. Миллер. Ассирийск. заклинания и русск. народн. заговоры („Русск. Мысль”, 1896, июль).

⁹ Hilprecht, Die Ausgrabungen im Bêl-Tempel zu Nippur. Leipz. 1903, стр. 62.

¹⁰ Hilprecht, Explorations in Bible Lands during the 19-th Century, 1903.

¹¹ The Babylonian Expedition of the University of Pennsylvania. 1896 сл.

¹² Гильпрехт высказал предположение, что существовала в нижних слоях холма и третья библиотека, еще более древняя.

¹³ Населявшими область налево от Тигра, там, где был г. Сузы. ¹⁴ Ed. Meyer. Geschichte des Altertums. 3-te Aufl. 1913, I, 2 Abt., 373–4; Б.А. Тураев, I, 58.

¹⁵ Hilprecht, Zehnpfund, Babylonien in seinen wichtigsten Ruinenstätten. Leipz. 1910 (в коллекции Der alte Orient), стр. 39. Разница в хронологических определениях, касающихся древнейших периодов истории Вавилонии, доходит иногда чуть ли не до 1000 лет и объясняется тем, что одни опираются на приведенное выше свидетельство Набонида относительно времени Нарамсина, бывшего до него будто бы за 3200 лет, а другие основываются на открытых недавно списках древнейших вавилонских и шумерийских царей и династий, списках, противоречащих показанию Набонида, и отвергают это показание, как неправильное.

¹⁶ Ed. Meyer. I, 2³, стр. 375.

¹⁷ Б.А. Тураев, I, 86.

¹⁸ М.В. Никольский, стр. 2; Б.А. Тураев, I, 85.

¹⁹ А.Б. Тураев, I, 82, ст. 88.

²⁰ Hilprecht, Explorations in Bible Lands, стр. 275.

²¹ Delitzsch, Handel und Wandel in Altbabylonien, стр. 30; самые документы в немецком переводе и приложении, стр. 60.

²² Б.А. Тураев, I, 21, II, 85–86.

²³ Б.А. Тураев, II, 83, 120–121.

²⁴ Брастед. История Египта. Перев. с англ. М., 1915, II, 174.

²⁵ Впрочем, недавние разыскания немцев (1913–1914 г.) привели к находкам, которые относятся ко времени предшественников Аменхотепа IV. Поэтому вернее принять, что Аменхотеп IV не был основателем этого города, а уже существующий сделал своею столицей, расширив и украсив его.

²⁶ Впервые издана Wincklerom. Der Thontafelfund von El-Amarna. I–III. Berl., 1889–1890; новейшее издание – Knudtzon, Die El-Amarna Tafeln. 1909–1912. (в Vorderasiatische Bibliothek). Иностранная литература о Тель-Амарнской корреспонденции велика (брошюры С. Niebuhr’a, Vochtera и друг.). На русск. яз. – ст. Соловейчика в Журн. Мин. Нар. Просв., 1896, март; Мухина в Трудах Киевск. Дух. Акад., 1900; см. также Б.А. Тураев, I, 13, 288 сл., 294 сл., 311 сл., 319 сл.; Брастед, II, 12–17.

²⁷ Разумеется эпидемия: Нергаль – вавилонский бог смерти, войны и чумы.

²⁸ Под которыми некоторые хотели видеть евреев-израильтян, но этого не позволяет хронология: израильтяне явились позже. Хабири, вероятно, их соплеменники и предшественники.

²⁹ Издания Sachau (1911), Ungnad’a (1911), Staerk’a (1911); Ed. Meyer Der Papyrusfund von Elephantine. Dokumente einer jüdischen Gemeinde aus der Perserzeit und das älteste erhaltene Buch der Weltliteratur. 2-te Aufl. Leipz. 1912; И.М. Волков. Арамейск. документы иудейской колонии на Элефантине V в. до Р.Х. (Культурно-историч. памятники древн. Востока, под ред. Б.А. Тураева, вып. 2); М., 1915; Б.А. Тураев, II, 219, 242–4.